

© 2024. Н. И. Крижановский

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Полемика М. О. Меньшикова с Д. С. Мережковским о А. С. Пушкине: к пониманию статьи «Клевета обожания»

Аннотация: В центре исследования — малоизученный полемический отклик набравшего популярность в 1890-х гг. публициста М. О. Меньшикова на критико-философскую работу Д. С. Мережковского «А. С. Пушкин». Цель статьи — выяснение особенностей критических оценок в статье М. О. Меньшикова «Клевета обожания» для определения специфики его воззрений на рубеже XIX–XX вв. Автор исследования обращает внимание на творческие связи Меньшикова с Вл. С. Соловьевым, раскрывает особенности полемики с писателем-декадентом, проясняет умение критика проникать в исторический и духовный контекст пушкинского творчества. Осмысление Меньшиковым центральных образов стихотворения «Чернь» («Поэт и толпа») и поэмы «Медный всадник» Пушкина опровергает толкования произведений на основе нищезанятия, чуждого пушкинскому творчеству. Доказывается, что при анализе стихотворения «Чернь» Меньшиков одним из первых указал на нетождественность образа Поэта и личности Пушкина. Обозначена связь убеждений Меньшикова с учением Л. Н. Толстого при осмыслении таких явлений, как «непротивление», «героизм», «церковь». Показано, что критик в полемике выступил защитником традиций русской классики, несмотря на противоречивость отдельных его оценок.

Ключевые слова: М. О. Меньшиков, Д. С. Мережковский, А. С. Пушкин, Вл. С. Соловьев, критика, полемика, «Клевета обожания», нищезанятие, толстовство, национальный идеал.

Информация об авторе: Николай Игоревич Крижановский, кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2764-7117>

E-mail: nicolaykri@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.06.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.07.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Крижановский Н. И. Полемика М. О. Меньшикова с Д. С. Мережковским о А. С. Пушкине: к пониманию статьи «Клевета обожания» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 174–195. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-174-195>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 174–195. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 174–195. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Nikolay I. Krizhanovskiy
Kuban State University
Krasnodar, Russia

Polemics of M. O. Menshikov with D. S. Merezhkovsky on A. S. Pushkin: Towards an Understanding of the Article “The Slander of Adoration”

Abstract: The study focuses on the polemical response of the publicist M. O. Menshikov (who gained popularity in the 1890s) to the critical and philosophical work of D. S. Merezhkovsky, “A. S. Pushkin,” little studied by contemporary scholars. The article aims to reveal the features of critical assessments in M. O. Menshikov’s article “The Slander of Adoration” to determine the specifics of his views at the turn of the 19th–20th centuries. The work explores the creative connections of M. O. Menshikov with V. S. Solovyov, reveals the features of the polemic with the decadent writer, and notes the critic’s ability to delve into the historical and spiritual context of Pushkin’s work. In particular, M. O. Menshikov’s understanding of the central images of the poem “The Poet and the Crowd” and “The Bronze Horseman” by Pushkin refutes interpretations of works based on Nietzscheanism, which is alien to Pushkin’s oeuvre. The article proves that when analyzing the poem “The Poet and the Crowd,” Menshikov was one of the first to point out the differences between the image of the Poet and the personality of Pushkin. The research indicates the connection between Menshikov’s beliefs and the teachings of L. N. Tolstoy in understanding such phenomena as “non-resistance to evil by violence,” “heroism,” and “church.” The critic in the polemic acted as a defender of the traditions of Russian classics despite the inconsistency of some of his assessments.

Keywords: M. O. Menshikov, D. S. Merezhkovsky, A. S. Pushkin, V. S. Solovyov, criticism, polemics, “The Slander of Adoration,” Nietzscheanism, Tolstoyism, national ideal.

Information about the author: Nikolay I. Krizhanovskiy, PhD in Philology, Associate Professor, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2764-7117>

E-mail: nicolaykri@mail.ru

Received: June 16, 2024

Approved after reviewing: July 27, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Krizhanovskiy, N. I. “Polemics of M. O. Menshikov with D. S. Merezhkovsky on A. S. Pushkin: Towards an Understanding of the Article ‘The Slander of Adoration.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 174–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-174-195>

В 1899 г. Россия отмечала 100-летний юбилей А. С. Пушкина. Многие русские писатели, критики, публицисты выпустили к этой дате свои работы. В октябре юбилейного года трудившийся в изданиях В. П. Гайдебурова М. О. Меньшиков обнародовал в журнале «Книжки “Недели”» полемическую статью «Клевета обожания» о работе Д. С. Мережковского «А. С. Пушкин» (1896). Вскоре, 26 декабря 1899 г., А. П. Чехов, искренне почитавший Меньшикова и друживший с ним, в письме назвал эту статью «превосходной» [Антон Чехов: 134] и, подчеркнув высокий уровень работы, отметил: «...образцовая критическая статья, настоящая критика, настоящая литература» [Антон Чехов: 135].

По мнению Вл. С. Соловьева, выделившего «Клевету обожания» среди прочих работ к пушкинскому юбилею, статья М. О. Меньшикова — «талантливая», «симпатичная» и «примечательная» [Соловьев: 224]. Однако популярный в конце XIX в. философ и публицист не забыл упомянуть и о некоторых «ошибках» критика из «Недели», связанных с неверным, по его мнению, употреблением слова «клевета» и с излишне критическим осмыслением деятельности Петра I [Соловьев: 224].

Нам представляется, что Вл. С. Соловьев не случайно отметил работу критика и фактического редактора «Недели» Меньшикова. Во-первых, Соловьев и Меньшиков уже несколько лет были знакомы, отношения их можно было назвать «приятельскими»¹. Во-вторых, оба публициста к 1899 г. активно печатались в «Неделе», ее литературном приложении «Книжки “Недели”», а также в гайдебуровской газете «Русь», и их публикации порой тематически пересекались. В-третьих, популярный в конце XIX в. философ-публицист не мог не заметить, что Меньшиков в «Клевете обожания» по-своему развивал мысль Соловьева, высказанную двумя годами ранее в восьмой главе статьи «Судь-

---

¹ См. об этом: Меньшиков М. О. Отклики LXXI // Неделя. 1900. № 33. Стб. 1129–1132.

ба Пушкина» (1897): «Теперешние обожатели Пушкина ... рассуждают так: Пушкин — великий человек, а так как наш критерий истинного величия дан в философии Ницше и требует от великого человека быть учителем жизнерадостной мудрости язычества и провозвестником нового ... культа героев, то Пушкин и был таким учителем мудрости и таким провозвестником нового культа, за что и пострадал от косной и низменной толпы» [Соловьев: 192].

Название «Клевета обожания» — это образная квинтэссенция мысли из первой части восьмой главы статьи Соловьева «Судьба Пушкина», в которой сопоставлены суждения о Пушкине Писарева и новых почитателей поэта, поклонившихся авторитету Ницше. «Обожание» в меньшиковской статье возникает из фразы Соловьева «теперешние обожатели Пушкина» [Соловьев: 192]. «Клевета» — из выражений «ложный факт», «фальшивая оценка», которыми Соловьев характеризует деятельность «новейших пушкиноманов» [Соловьев: 193]. В незаглавленном Соловьевым последователе Ницше, считавшем Пушкина «учителем жизнерадостной мудрости язычества и провозвестником нового или обновленного культа героев» [Соловьев: 192], легко узнаваем Мережковский.

Свое неприятие декадентства как явления искусства Меньшиков выразил еще в 1893 г. в статье «Критическое декадентство». В ней при анализе работ критика А. Волынского¹ Меньшиков отмечал, что «ненависть к нормальному, здравому смыслу, ... приписыванье только расстроенному уму стремления к правде — характерная черта декадентов» [Меньшиков 1902: 251]. Современный исследователь так формулирует позицию Меньшикова в этой статье: «Он считал, что Волынский и другие критики-декаденты оказывают разрушительное действие не только на критику и литературу, но и на все русское общество» [Трофимова: 85]. Неприязненное отношение к декадентству-модернизму соседствовало в «Критическом декадентстве» с защитой «реальной» критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова от нападок декадентов. В критической работе 1899 г. отторжение декадентства сохранилось, но ценностные ориентиры Меньшикова несколько сместились.

В. Д. Трофимова в единственной на сегодняшний день научной работе о статье «Клевета обожания» отмечает, что критик «ведет подлинно

---

¹ А. Волынский — псевдоним критика А. Л. Флексера.

научный диспут, показывая собственную эрудицию и безупречную логику рассуждения» [Трофимова: 89], он убеждает публику в том, «что критики-декаденты воссоздают искаженный образ Пушкина» [Трофимова: 89]. Исследователь, отметив субъективный метод и близкие язычеству и ницшеанству идеалы Мережковского, ограничилась тем, что привела несколько обширных и значимых цитат из статьи Меньшикова, не углубившись в ее разбор. Поэтому итоговая мысль работы Трофимовой о том, что «полемика с декадентами стала той вехой, которая означала начало особого пути Меньшикова» как патриота, державника и борца со всем, «что мешает развитию России» [Трофимова: 89], нам представляется недостаточно обоснованной.

М. О. Меньшиков в статье «Клевета обожания» не просто развил мысли Вл. С. Соловьева, но посмотрел на проблему шире и по-своему. В начале работы он обратился к вопросу понимания обожателями-потомками наследия и личности гениев. По его мнению, из двух типов забвения великих личностей — от недостатка внимания и от избытка его — худшим является второй, при котором «незначительное потомство все-таки пытается вместить в тесноту своей природы великий дух и искажает его до неузнаваемости» [Меньшиков 1902: 136]. Память о великих усиленно искажается в юбилейные годы: тогда начинается «быстрый рост лжи» [Меньшиков 1902: 137]. Не называя никого конкретно, Меньшиков отмечал: ряд работ к 100-летию А. С. Пушкина «на некоторое время совсем закутывает, подобно саранче, образ юбиляра» [Меньшиков 1902: 137]. И из-за этих работ происходит вытеснение истинного представления о великом человеке ложным, которое «несравненно больше» полного забвения [Меньшиков: 137], поскольку при рассуждении о юбиляре «почти каждый критик навязывает покойному... что-нибудь свое, ... искусственное, незначительное» [Меньшиков 1902: 138]. Такое навязывание, искажающее образ великого человека, Меньшиков образно назвал «клевета обожания» [Меньшиков 1902: 138].

Среди «множества клевет», возведенных на поэта¹ [Меньшиков 1902: 139], внимание критика привлекла та, что принадлежала та-

---

¹ Таких «клевет» на А. С. Пушкина (с обожанием и без) в истории русской литературной критики существует немало: от некоторых статей В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Вл. С. Соловьева до большого количества исследований, появившихся в XX–XXI вв. (работы ряда советских авторов, небезызвестная монография А. Терца

лантливому писателю Мережковскому и выразилась в его статье «А. С. Пушкин» (1896). Нам думается, значимой причиной выбора Меньшикова становится общая критическая направленность работы Мережковского против идеалов революционно-демократической критики, либерального народничества и анархического учения Л. Н. Толстого [Мережковский: 5–6]. А утверждению и защите идеалов великого Льва критик, будучи отчасти его последователем¹, в 1890-е гг. посвятил несколько статей: «Тринадцатый том сочинений графа Л. Н. Толстого» (1891), «Великое детство. По поводу 40-летия литературной деятельности гр. Л. Н. Толстого» (1892), «Работа совести. (По поводу статьи “Неделание” гр. Л. Н. Толстого)» (1893) и «Сбились с дороги (По поводу рассказа “Хозяин и работник” Л. Н. Толстого)» (1895).

Приступая к осмыслению работы Мережковского, Меньшиков отметил особенности творческой оптики критика-декадента: при большой одаренности «язвой его таланта» являлось «отсутствие чувства меры» и гиперболизация новых веяний искусства [Меньшиков 1902: 139]. Кроме этого, у Мережковского слабое «нравственное зрение», поэтому он «не замечает иногда безобразия чисто нравственного, до которого договаривается в своих писаниях» [Меньшиков 1902: 140].

Меньшиков не стал анализировать всю работу «поэта-нищеванца и символиста» [Меньшиков 1902: 140], ограничив свою задачу осмыслением одного из главных мотивов статьи, названного Мережковским «полубог (читай — А. С. Пушкин. — Н. К.) и укрощенная им стихия» [Меньшиков 1902: 140].

Значимая черта мировидения Мережковского, по мнению критика, — уничижительное отношение к христианству и превознесение языческого культа: «...слово “Талилеянин” употребляется им (Мережковским. — Н. К.) как презрительное — в противоположность “Эллину”» [Меньшиков 1902: 141]. При этом эллинизм понимался как «торжество силы и сладострастия, как культ человеческого обожествления, при котором будто бы нет добра и зла, а одна ничем не омраченная радость плоти» [Меньшиков 1902: 141]. Меньшиков отмечал, что

(А. Д. Синявского), «труды» признанного Минюстом РФ иноагентом Д. Л. Быкова и проч.).

¹ См. об этом работы Д. В. Жаворонкова [Жаворонков], Н. И. Крижановского [Крижановский], А. С. Орлова [Орлов], В. Д. Трофимовой [Трофимова] и др.

Мережковский — фанатик язычества, заменивший во многом невинное языческое поклонение красоте и силе плоти на страстную защиту грехов в язычестве: «...под видом красоты он воспекает сладострастие, а под видом силы — грубую жестокость» [Меньшиков 1902: 142]. Декадент-ницшеанец приписывал Пушкину «свои думы и проповеди», «свое язычество, свой культ насилия и сладострастия» и утверждал, «будто Пушкин ненавидел и презирал народ, будто он воспевал тех тиранов, которые не задумывались проливать кровь народную, как воду» [Меньшиков 1902: 142]. Критик констатировал: Мережковский на основании пушкинского стихотворения «Чернь» доказывал, что А. С. Пушкин — ненавистник демократии, «враг черни» и «рыцарь вечного духовного аристократизма» [Меньшиков 1902: 143], а его «величайшая заслуга» в противостоянии народу [Меньшиков 1902: 144].

Опровергая эту мысль, Меньшиков обращался к творческой биографии А. С. Пушкина и формулировке Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» поэта, который «вмещал в себе все человеческое» [Меньшиков 1902: 144] и откликался, как эхо, на самые разные явления жизни, равно вмещая в себе противоположные начала: «Пушкин был и истинный христианин, и грубый язычник, и народолюбец, и противник народа, и человек целомудренный, и цинический грешник» [Меньшиков 1902: 144]¹.

Значительная часть статьи «Клевета обожания» посвящена опровержению выраженного Мережковским понимания пушкинского стихотворения «Чернь». Критик обозначил три основные трактовки этого произведения. Первая — мнение С. П. Шевырева из его воспоминаний о Пушкине: стихотворение написано под влиянием философии Шеллинга, в которой провозглашалось «освобождение искусства, равноправность красоты истине и добру» [Меньшиков 1902: 145]. Вто-

---

¹ Спустя двенадцать лет, в 1911 г., в полемике с А. А. Столыпиным Меньшиков выразил иной подход к пониманию творчества гениального поэта: указал на эволюцию его идеалов и обозначил разницу между юношеским вольнолюбивым отрицанием крепостного «рабства» в стихотворении «Деревня» [Меньшиков 2002: 206] и зрелым, осмысленным пониманием Пушкиным жизни русского крепостного крестьянина и его преимуществ над его европейскими собратьями («...ничуть не был похож на раба, а был совсем похож на свободного человека» [Меньшиков 2002: 206]).

рая — автор «подражал в нем сатирам Шенье» [Меньшиков 1902: 145]. Третья, которую Меньшиков назвал более близкой к истине, — в стихотворении «Пушкин дал отповедь той великосветской черни, которая обвиняла его в безнравственности и лицемерно требовала, чтобы он морализировал в стихах» [Меньшиков 1902: 145].

Развивая именно третью трактовку, критик привел свои аргументы. Один из самых значимых был взят из опубликованных в 1893 г. в апрельском номере журнала «Русское обозрение» воспоминаний Шевырева: «У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельные. На одном из них пристали к Пушкину с просьбою, чтобы прочесть. В досаде он прочел “Поэт и Чернь” и, кончив, с сердцем сказал: “В другой раз не станут просить”» [Меньшиков 1902: 145]. Другим важным аргументом стала, по мнению публициста, перемена Пушкиным незадолго до смерти названия произведения с «Черни» на «Поэт и толпа», что позволило критике утверждать: «Толпа, окружавшая поэта, была не народная, — и отнюдь не простонародная. <...> Примеры “хладного и надменного” отношения к поэту Пушкин видел не среди народа, а в светской толпе...» [Меньшиков 1902: 145]. По мнению Меньшикова, доказательство того, что толпа в стихотворении не имеет отношения к народным массам, содержится и в эпиграфе из Горация, где использовано латинское слово «*profani*», а «профаны и *народ* (здесь и далее курсив автора. — Н. К.) — не одно и то же», поскольку профаны не просто невежды, а «надменные невежды, и такие и встречаются чаще в светском кругу, нежели среди народа» [Меньшиков 1902: 146].

Размышляя о «Черни», Меньшиков сформулировал ключевое возращение Мережковскому: если бы в образе Поэта Пушкин выразил «свою поэтическую веру, свое отношение к народу, то этим были бы вычеркнуты другие исповедания веры, написанные им заведомо как характеристика своего призвания» [Меньшиков 1902: 146]. Критик имел в виду прежде всего стихотворение 1836 г. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», которое не мог написать «ненавистник черни» как простого народа [Меньшиков 1902: 146]. Меньшиков считал, что в стихотворении «Чернь» Поэтом, в чертах которого Мережковский усмотрел «аристократа (по воспитанию) и эпикурейца», «мог быть стихотворец двора Августа, окруженный чернью эпохи упадка, чернью развратной и кровожадной и вовсе не кающейся» [Меньшиков

1902: 148], но не Пушкин. Таким образом, мы видим, что в статье «Клевета обожания» еще до статей Вл. С. Соловьева («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина») и А. А. Блока («О назначении поэта») М. О. Меньшиковым впервые в русской критике была обозначена идейная близость образа черни к античной образованной толпе и ее дистанцированность от народа, а также указано существенное различие между образом Поэта и поэтическим идеалом А. С. Пушкина.

Думается, есть основание полагать, что статья Вл. С. Соловьева «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина»¹ — это развернутый ответ на вопросы, поставленные Меньшиковым: «...что такое истинная поэзия? Возможна ли поэзия, отрешенная от всякого содержания — религиозного, нравственного и умственного? Не есть ли наоборот, поэзия — именно какое угодно содержание, лишь бы оно было вдохновенно понято?» [Меньшиков 1902: 151]. Толкование Вл. С. Соловьевым образов толпы и Поэта из стихотворения «Чернь» во многом повторяет размышления Меньшикова. Философ и публицист отмечал, что толпа в стихотворении «вовсе не имеет, да и не может иметь, сословных или вообще социальных признаков. Это есть не общественная, а умственная, нравственная чернь, — люди формально образованные и потому могущие вкривь и вкось судить о поэзии, но по внутренним причинам не способные ценить ее истинного значения, требующие от нее рабской службы практическим целям»; «...пушкинская чернь могла набираться только из людей высшего и среднего общества» [Соловьев: 265–266]. Пушкин же, по мнению Соловьева, не мог иметь такого «беспредельного безвкусия» и «беспредельного слабоумия», чтобы «бранить “поденщиками” действительных (курсив Вл. С. Соловьева — Н. К.) поденщиков» [Соловьев: 267]. Однако Соловьев не воспринял мысль Меньшикова о том, что Поэт в «Черни» не равен Пушкину, а понимание этого ключевого образа стихотворения поставил в зависимость от личных пристрастий толкователей-критиков. Намекая на толстовство и незлобие Меньшикова, Соловьев указал, что ему (Меньшикову) «гнусно-лицемерные слова “черни” странным образом показались “благородными”», а ответ Поэта «крайне грубым и злобным»

---

¹ Впервые эта статья была опубликована в декабрьском номере журнала «Вестник Европы» в 1899 г., то есть через два месяца после выхода статьи М. О. Меньшикова «Клевета обожания».

[Соловьев: 268]. Другие же критики, продолжал Соловьев, напротив, видели ответ Поэта «благородным и правдивым», понимали правду не как незлобие, а «как истинное единство любви и гнева» [Соловьев: 268]. Такое «мутное» объяснение мало что давало для прояснения смысла трактуемого произведения.

Однако Меньшиков в своей статье порой удивительным образом преодолевает собственное толстовство, доходя до сущностного в поэзии русского гения: «Пушкин понимал поэзию как стоголосое эхо, дающее отзвук сердца на все явления бытия, он едва ли согласился бы без тяжкого над ним насилия, откликаться только на самое низкое, что остается в природе вне религии, философии и морали» [Меньшиков 1902: 151]. То есть поэзия Пушкина понимается критиком как лирический отклик, не мыслимый без соотнесения с идеалами «религии, философии и морали». Итоги размышлений Соловьева в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» несколько иные: «...все значение поэзии — в безусловно независимом от внешних целей и намерений, самозаконном вдохновении, создающем то прекрасное, что по самому существу своему есть и нравственно доброе» [Соловьев: 273]. Для философа-критика независимое «самозаконное вдохновение» созидает прекрасное и «нравственно доброе». Такое понимание сущности поэтического начала Пушкина далеко от неоднократно и по-разному прозвучавшей в его творчестве формулы, нашедшей наиболее ясное воплощение в строке «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» [Пушкин 2: 386].

В 2005 г. В. М. Есипов в статье «Поэт, чернь, автор», анализируя пушкинское стихотворение «Поэт и толпа», привлек широкий литературно-критический контекст: работы В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, Вл. С. Соловьева, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова, В. Э. Вацура, М. Вайскопфа, Б. М. Сарнова. Но при этом ученый не упомянул ни статью Мережковского, ни ответ на нее — работу Меньшикова. Повторяя мысль Меньшикова, В. М. Есипов отмечает: «Для поэта в стихотворении “Поэт и толпа” и пробуждение “чувств добрых”, и равнодушное отношение к суждениям непосвященных совершенно невозможны» [Есипов: 330]. Исследователь приходит к выводу: образ Поэта не равен Пушкину, поскольку «это способ пушкинских раздумий 1828 года о судьбе поэта вообще, это один из возможных вариантов поэтического самовоплощения» [Есипов: 331]. А чернь — «это сограждане Поэта,

собравшиеся на площади древнегреческого города послушать его стихи и высказать ему свое мнение о них», «за пределами текста стихотворения с нею может ассоциироваться вообще публика: это и мы с Вами, уважаемый читатель, и Соловьев с Блоком, и Белинский с Гоголем, и Лермонтов в стихотворении “Поэт”, и просвещенные посетители салона Зинаиды Волконской» [Есипов: 330].

Близко к меньшиковскому пониманию «Поэта и толпы» и мнение авторитетного пушкиниста В. С. Непомнящего: «толпа», «чернь» — «понятие не словное, а социально-нравственное» [Непомнящий 1: 63]; стихотворение написано «в наименее свойственной именно Пушкину интонации — гнева, ненависти, отвержения, отталкивания, личной ярости» [Непомнящий 4: 187–188].

О правоте Меньшикова, на наш взгляд, свидетельствует и дальнейшее пушкинское лирическое развитие темы «поэт и чернь». Она тревожит русского гения в 1830-е гг. и получает ясное художественное воплощение в стихотворении «Он между нами жил...» (1834). Пушкин никогда не был поэтом подлой, безнравственной черни, но таковым, по его мнению, стал его литературный собрат Адам Мицкевич, с которым поэт некогда делился «чистыми мечтами / И песнями» [Пушкин 2: 316]. В произведении показано, как ранее не испытывавший неприязни к русским братьям-поэтам изгнанник Мицкевич («...злобы / В душе своей к нам не питал, и мы / Его любили. Мирный, благосклонный / Он посещал беседы наши» [Пушкин 2: 316]), после переезда на Запад растерял высшие идеалы и настолько утратил человечность, что превратился в яркого певца злобной и буйной черни, которого легко сопоставить с князем из пушкинского «Анчара»:

Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной
Он напояет [Пушкин 2: 316].

О таком подчиненном черни и ее буйству поэте Пушкин может лишь молиться:

Боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему... [Пушкин 2: 316].

Лирический герой в этом произведении как носитель русского народного и христианского духа прощает павшего друга и молится о нем. Такой финал стихотворения заставляет переосмыслить одну из ключевых фраз пушкинского творчества: «...И милость к падшим призывал» [Пушкин 2: 385]. То есть поэт призывал Бога проявить милость к тем, кто согрешил, «пал», а эпитет «падший» в зрелом творчестве Пушкина употребляется именно в значении «грешный» (см. «Отцы пустынники и жены непорочны...» [Пушкин 2: 382]). Кроме этого, мы еще раз убеждаемся в истинности мысли Меньшикова и других исследователей о том, что Пушкин не тождествен образу Поэта из «Черни».

«Клевету обожания» Меньшиков обнаруживал в стремлении Мережковского с помощью искаженной трактовки стихотворения Пушкина о Поэте и черни исключить нравственные и религиозные идеалы из области искусства [Меньшиков 1902: 149–150], в утверждении божественной природы жестокости и сладострастия, проявленных тремя поклонниками Клеопатры в «Египетских ночах» [Меньшиков 1902: 154]; в возвеличивании образа Петра I, героя поэмы «Медный всадник», где, как видел Мережковский, показана естественная «гибель слабых людей от произвола сильных» [Меньшиков 1902: 155]. Критик подчеркивал, что Мережковский не может не осознавать своего похода «против преданий если не всемирной, то всей русской литературы» [Меньшиков 1902: 156], и в подтверждение приводил цитату оппонента: «Вся русская литература после Пушкина будет демократическим и галилейским восстанием на того гигантского всадника, который над бездной “Россию вздернул на дыбы”» [Меньшиков 1902: 157].

Особый интерес для нас представляет осмысление в статье «Клевета обожания» образа Петра I в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». Меньшиков оспаривал клевету Мережковского на этого персонажа, выставленного «каким-то Атиллой¹ или Тамерланом, шествующим “по костям” бесчисленных “малых”» [Меньшиков 1902: 158], каким-то

---

¹ Так напечатано в статье Меньшикова. — Н. К.

гневным богом, своим волеизъявлением, уничтожавшим «безумцев, дерзнувших поднять на него ропот» [Меньшиков 1902: 158].

Обратившись к реальной личности Петра, его поступкам, Меньшиков опроверг это «преувеличение, искажающее истинный образ Петра» [Меньшиков 1902: 158], и убедительно продемонстрировал, что царь в реальности, хоть и был человеком грозным, вероятно, во время наводнения 1824 г. «первый бросился бы спасти людей» [Меньшиков 1902: 158]. В этом случае, размышлял критик, «бедному Евгению... пришлось бы увидеть Петра... не в позе медного идола, а в виде хоть и могучего, но крайне участливого и простого человека» [Меньшиков 1902: 158]. По мнению Меньшикова, образ Петра в «Медном всаднике» «идолизирован» и гиперболизирован, но поэт «не дошел до того, чтобы воспеть именно жестокость Петра, как это доделал за него Мережковский» [Меньшиков 1902: 158–159].

Критик попутно проявил свое понимание личности Великого преобразователя России, особо отметив, что в «Медном всаднике» Пушкин «не говорит прямо об ошибке Петра» [Меньшиков 1902: 159], связанной с устройением центра русской жизни на неудобном и дальнем берегу Финского залива. Выбор места для новой столицы Меньшиков объяснял «рабским преклонением царя перед тогдашней границей» и вслед за Карамзиным называл «блестящею ошибкою» [Меньшиков 1902: 159], поскольку Петр не знал о ряде природных неудобств дельты Невы.

Прием сопоставления прекрасной картины Петербурга начала поэмы и щемящего сердце конца («...нашли безумца моего...») позволил Меньшикову-критику найти еще одно опровержение мысли Мережковского о «героической» нищепанской жестокости «Медного всадника»: «Пушкин мог бы возбудить в читателе презрение к своему городу, но возбуждает глубокую жалость, — ясно, что он ее сам разделял» [Меньшиков 1902: 160]. А «навязывать Пушкину... тупую жестокость — поистине клевета» [Меньшиков 1902: 160].

Меньшиков, основываясь на знании биографии А. С. Пушкина, проговаривал в статье точные его характеристики и одновременно оспаривал мнение Мережковского о русском гении: «Наводнение петербургское его (А. С. Пушкина. — Н. К.) страшно встревожило, и он в письме к друзьям просил оказать помощь пострадавшим из его “Онегинских денег”. Пушкин терпеть не мог ходулей и к страданию челове-

ческому относился просто, как и все простые люди — с состраданием» [Меньшиков 1902: 160–161]. Такое понимание личности создателя «Евгения Онегина» позволило критику утверждать, что Мережковский приписывал Пушкину «глупое презрение к человеку бедному», и, говоря о столкновении мировых начал в лице маленького чиновника и «сверхчеловеческого демона», навязывал свою «хитрость чистосердечному гению Пушкина» [Меньшиков 1902: 161]. Почти через сорок лет после выхода статьи «Клевета обожания» И. А. Ильин в работе «Пушкин в жизни. 1799–1837» выскажет о поэте мысли, глубоко созвучные меньшиковским и развивающие их: «...ему была свойственна удивительная простота..., незаметно переходящая в деликатность сердца» [Ильин: 76]; «Он вообще имел склонность скрывать свои чувства и как бы стыдился их. Был щедр, но не хотел, чтобы об этом говорили. <...> Натура, в глубоком смысле слова искренняя, прозрачная, доверчивая и чистосердечная...» [Ильин: 80].

Ницшеанская переоценка Мережковским «вечных ценностей человеческого духа», связанная с восстанием против христианства [Меньшиков 1902: 161] и с потерей им «нравственного чувства», заставляла видеть практически в каждом явлении, о котором он писал, «преувеличенные, карикатурные черты» [Меньшиков 1902: 162]. Это, например, касалось такого явления человеческой жизни, как героизм. Меньшиков отмечал, что если традиционный герой — это «носитель долга, защитник справедливости, поборник правды» (а у Пушкина он еще и человек нравственного подвига и чуткого сердца), то герой Мережковского — это «воплощение права без тени каких-нибудь обязанностей», а «человечество приглашается своими костями выстилать путь ему» [Меньшиков 1902: 162], быть жертвой и стадом гусей для хищника-орла. Меньшиков удачно сыронизировал над пониманием героя и героизма в труде Мережковского, проведя яркую образную параллель: «...прочитав г. Мережковского можно подумать, что он сам близок к тому, чтобы почувствовать себя хищной птицей, и, может быть, в качестве таковой и налетел на стадо гусей — Гоголя, Достоевского, Гончарова, Тургенева, Льва Толстого...» [Меньшиков 1902: 163]. Эта фраза в контексте отечественной культуры XX – XXI вв. стала пророческой: и декаденты, и пришедшие вслед за ними модернисты, и многие представители соцреализма, авангардизма, постмодернизма и т. п. стремились к отмене отечественной классики, ее ценностного национально

русского начала, запечатленного в произведениях искусства. Они же проповедовали эгоцентризм, вседозволенность, анархию, подчинение человека страстям, социальную ненависть, классовую исключительность, русофобию.

В другой раз ироничное сравнение с нападением хищной птицы на неспособных дать отпор пернатых Меньшиков использует примерно через год после выхода «Клеветы обожания» в работе «Красивый цинизм» (1900), посвященной другому поклоннику Ницше — Максиму Горькому, воспевшему «безумство храбрых» в «Песне о Соколе»: «...в чем храбрость безумного сокола? Как известно соколы нападают на не Бог весть каких врагов — всего лишь на диких уток, гусей, куропаток и т. п. По аллегории г. Горького выходит, что утки и куропатки тиранят соколов и тем приходится отстаивать свою свободу и “жажду к свету”» [Меньшиков 1902: 25].

По логике Мережковского, героями являются только те, кто смог проявить «жестокое насилие», и к таковым относятся Тамерланы и Наполеоны. По мнению Меньшикова, «истинные герои шествовали не по костям народов, а умирали на крестах, на кострах или с чашею яда в руке...» [Меньшиков 1902: 163–164]. И бытие настоящих героев не «изнуряет человечество» огромным количеством жертв, а оставляет после себя «мысль, которая и продолжала героическое служение человечеству, и эта мысль была не за насилие, а против него» [Меньшиков 1902: 164]. Без труда можно обнаружить, что последнее утверждение Меньшикова близко концепции непротivления злу силою Л. Н. Толстого, которую публицист исповедовал в жизни¹ и защищал в статьях о Л. Н. Толстом в 1890-е гг. Однако меньшиковское понимание героизма не соотносится с пушкинским, поскольку герои Пушкина не являются непротivленцами. Прибегая при необходимости к насилию, они последовательно и активно борются со злом, стремясь к полной победе над ним. Достаточно вспомнить образ Петра I в «Полтаве» и Петра Гринева в «Капитанской дочке». То есть, отвергая ницшеанский героизм Мережковско-

---

¹ Яркое свидетельство этому — случай в редакции «Недели», когда разгневанный публикацией газеты и требовавший опровержения Н. Н. Жеденов выстрелил в исполнявшего обязанности редактора М. О. Меньшикова [см.: М. О. Меньшиков: pro et contra: 322–419].

го, Меньшиков провозглашал непротивленческий героизм толстовства, не замечая того, что сам удалялся от пушкинского понимания этого явления.

Критик также обратил внимание на ущербное понимание Мережковским психологии героев. Утверждение последнего о «презрении к черни» [Меньшиков 1902: 164] таких «сомнительных» героев, как Наполеон I и Робеспьер, Меньшиков отверг, поскольку эти исторические персонажи «добивались добровольного признания толпы... не жестокостью и криками “Подите прочь! Какое дело” и пр., не презрением к толпе, а напротив, — лестью и преклонением перед ней» [Меньшиков 1902: 165]. То есть Наполеоны приспособлялись к требованиям толпы, но «истинные герои», среди которых названы в первую очередь пророки и мудрецы, «не прибегали к такому подлаживанию к своей среде — и конец их был иной...» [Меньшиков 1902: 165].

В финале статьи Меньшикова опровержение мысли Мережковского о пушкинском презрении к «демократическому равенству» и народу [Меньшиков 1902: 165] соединилось с утверждением тезиса, что Пушкин — сторонник демократии, что он всегда был близок народу, «учился у него языку и поэзии», был дворянином, но презирал «светскую чернь», как бы предчувствуя, что она «пожрет его» [Меньшиков 1902: 166]. То есть, как мы видим, демократия и внимание к народной жизни для Меньшикова — тождественные явления.

При анализе темы «Пушкин и демократия» Мережковский противопоставил высокий ницшеанский «аристократизм духа» принципу «большинства в европейском обществе», опирающемуся на «подсчет голосов» [Меньшиков 1902: 166]. Меньшиков, со своей стороны, воспринимал демократическое начало, то есть парламентаризм и принцип большинства в управлении обществом, в качестве высочайшего достижения человечества. По его мнению, «этот принцип в управлении некоторых стран (как напр. Англия) в течение столетий не повел к особенно дурным результатам, не низвел эти страны на низшую ступень просвещения, богатства, творчества в науках и т. п.», кроме этого, принцип «применяется лишь в исключительной области, в сфере материальных прав», не затрагивая «вопросов искусства, науки, техники, религии, поэзии» [Меньшиков 1902: 166]. Политическая наивность этого утверждения в его первой части очевидна на фоне исторических примеров К. П. Победоносцева, показавшего в известной статье

слабости принципа парламентаризма [Победоносцев: 30–32]. Вторая часть меньшиковского рассуждения (о неприменении парламента при решении вопросов наук, религий и искусств) в комментарии, на наш взгляд, не нуждается.

В утверждении идеи устройства общества с помощью «демократического большинства» и парламентаризма Меньшиков идеалистически соединял выдающихся людей («героев») и «толпу»: «Скромная чернь охотно предоставляет вырабатывать основания законов избранному меньшинству — государственным людям, академикам и т. п. <...> Парламент охотно предоставляет себя влиянию “героев”, — и если они есть среди депутатов, каждому дано право взойти на трибуну и увлечь силою своего знания и таланта всю “чернь”» [Меньшиков 1902: 167].

Публицист и критик, апеллируя к историческим примерам, провозглашал: «Отрицать “большинство” в политике значит отрицать самые основы современного общества... <...> ...Всюду господствует принцип большинства и счета голосов» [Меньшиков 1902: 168–169]. Об эклектичности позиции Меньшикова свидетельствует то, что от большинства политического он неожиданно перешел к большинству религиозному и национальному, совершенно не отличая большинство в избирательной системе, где задача у претендента на выборное место «завоевать» публику, перетянуть на свою сторону, убедив в своей привлекательности, от большинства национального, сложившегося в определенном месте за продолжительное время: «Отрицать большинство значит отрицать не только демократию, но и такие аристократические установления, как церковь, “общество верующих”, как нация, “общество единокровных”» [Меньшиков 1902: 171].

Защищая от Мережковского идеалы великого поэта и одновременно поклоняясь парламентской демократии, Меньшиков совершенно игнорировал пушкинское отношение к принципу «демократического большинства». В 1834 г. в заметке ««История поэзии» С. П. Шевырева» А. С. Пушкин писал: «...Франция, средоточие Европы... Народ властвует в ней отвратительною властью демокрации» [Пушкин 6: 213]. А характеризуя образ правления Соединенных Штатов, поэт и публицист отмечал, что там правит «большинство, нагло притесняющее общество». Кроме того, он увидел в американском демократическом обществе важные черты: «...со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие» [Пушкин 6: 148].

То есть в отношении к демократии как к форме правления Меньшиков сделал ту же ошибку, что и Мережковский — в статье о Пушкине: внешне забыл о главном — пушкинском воззрении на предмет — и стал проповедовать свои идеалы.

Тема понимания причин смерти А. С. Пушкина, особенно остро звучавшая во второй половине 1890-х гг. в русской литературной критике и публицистике, была затронута поэтом-символистом в статье «А. С. Пушкин». По мнению Мережковского, к губительной черте Пушкина-гения вели варварская «русская действительность» («борьба гения с варварским отечеством»; «ему некуда было дальше идти, некуда расти») и чернь, осмысленная как интеллигентное общество (а не просто народье) [Мережковский: 8]. Меньшиков же, напротив, называл аристократию виновной в гибели Пушкина: как Наполеона чернь «вознесла на высоту», а «аристократия низвергла» [Меньшиков 1902: 170], так и пушкинская слава распространилась «в средних кругах публики», но пал он «жертвою аристократических интриг: “демократия” в его гибели неповинна» [Меньшиков 1902: 170].

Стремясь отделить героический идеал Пушкина от близкого Мережковскому наполеоновского идеала, Меньшиков выделяет два типа героев: «ложные герои» (Наполеон, Аттила, Цезарь) и «истинные» («как герои христианства, Сократ, Сенека, Гусс»). Но судьбу и первых, и вторых всегда определяет и «губит не чернь, а современная аристократия» [Меньшиков 1902: 171]. Развивая свою мысль, публицист создал концепцию распространения великих идей, которые приносят в мир истинные герои: сначала народ стоит в стороне, а «когда мысль героя проникает в его толщу, то народ высылает пророку лучшую свою кровь, благороднейших поклонников, которые, подняв знамя его, растоптанное меньшинством, фарисеями и первосвященниками, возносят его на мировую высоту» [Меньшиков 1902: 171].

Нетрудно увидеть в этой концепции отсылку к истории христианства. Однако последующая часть меньшиковского нарратива четко проявляет его связь с антицерковными идеями толстовства: «Великое учение орошает и животворит сердце толпы, пока не делается аристократическим, пока не попадает в заведывание замкнутой касты...» [Меньшиков 1902: 171]. И тогда оно мертвеет, поскольку великие учения гибнут «в храмах, воздвигнутых для их бережения» [Меньшиков 1902: 171]. Аристократы, присвоив «великое учение», «отгораживают

истину от толпы», способствуя тому, что истина мертвеет и превращается в ложь [Меньшиков 1902: 171]. Настоящее же понимание учения сохраняется только в сердцах «черни» или «в отдельных гонимых аристократией “сектах”», или в «народной массе» [Меньшиков 1902: 171]. У Л. Н. Толстого подобные мысли звучали в исповедальной статье «В чем моя вера?» (1884): «...церковь в угоду миру перетолковала метафизическое учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что оно не мешало людям жить так, как они жили» [Толстой: 439]; «Все церкви — католическая, православная и протестантская — похожи на караульчиков, которые заботливо караулят пленника, тогда как пленник уже давно ушел...» [Толстой: 441].

Таким образом, полемизируя с Мережковским о Пушкине, Меньшиков в работе «Клевета обожания» выступил как оригинальный критик и выдвинул несколько ключевых для понимания его позиции тезисов. Во-первых, он указал на проявившуюся в критике тенденцию навязывать великому художнику слова нечто искусственное либо незначительное, возводя это в заслугу юбиляра. Во-вторых, не умаляя таланта оппонента, справедливо выделил грубые ошибки понимания символистом и декадентом Мережковским личности и творчества великого русского поэта, а именно приписывание Пушкину язычества, жестокости, эгоизма, сладострастия, цинизма и ницшеанского понимания героизма, а также противопоставление поэта русским классикам XIX в. В-третьих, Меньшиков выразил никогда ранее не звучавшую в отечественной критике мысль о нетождественности образа поэта и личности Пушкина в стихотворении «Чернь» («Поэт и толпа»), предвосхитив появившиеся в XX–XXI вв. подобные утверждения. В-четвертых, отверг ницшеанскую трактовку Мережковским центральных образов поэмы «Медный всадник» и, возражая поклоннику героизма Наполеона и Тамерлана, сформулировал представление о демократии, аристократии, толпе, героизме, церкви, близкое к идеалам Л. Н. Толстого-публициста. В-пятых, отталкиваясь от произведений А. С. Пушкина, проявил неоднозначность образа Петра I в творчестве поэта и показал ошибочность осмысления Мережковским этого пушкинского героя в качестве «право имеющего» на насилие и жестокость. В-шестых, в лучших местах статьи «Клевета обожания» Меньшиков, преодолевая толстовство, выразил мысль о воплощении в творчестве Пушкина глубинного русского национального начала, проявившегося

в искреннем и сердечном отклике поэта на события жизни и в творческом принятии высшей воли.

Статья М. О. Меньшикова «Клевета обожания» в целом соответствовала его пониманию задач критики, сложившемуся в 1890-е гг.¹ и отразила противоречивый процесс становления как критика и публициста, обретавшего свой голос в эпоху идейных столкновений. С одной стороны, в этой работе Меньшиков — критик, развивавший мысли Вл. С. Соловьева, а также последователь-апологет учения Л. Н. Толстого и либерально-демократических общественных идеалов, с другой — искренний защитник русской классики, глубокий аналитик произведений А. С. Пушкина, оригинальный литератор-полемист.

Пройдет всего пять лет после публикации «Клеветы обожания», и Меньшиков, работавший в консервативном суворинском «Новом времени» с 1901 г., в статье «Родина и герои» (1904) будет размышлять о жертвенном героизме русских солдат в войне с Японией, о Родине-России, церкви и христианстве как национальный публицист. А позже — в статье «Пушкин и крепостное право» (1911) — назовет великого русского поэта аристократом духа и консерватором.

Список литературы

Источники

Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / сост., статьи, подгот. текстов и примеч. А. С. Мелковой. М.: Русский путь, 2005. 480 с.

Ильин И. А. Собр. соч. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. II. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. 672 с.

Меньшиков М. О. Критические очерки. Т. 2. СПб.: Т-во печатн. и издат. дела «Труд», 1902. 520 с.

Меньшиков М. О. О критике // Меньшиков М. О. Великорусская идея. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. Т. 2. С. 268–288.

Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2002. 560 с.

Михаил Осипович Меньшиков: pro et contra. Личность и творчество публициста в оценках современников / под ред. Н. И. Крижановского, О. А. Дорофеевой. М.: Знание-М, 2020. 532 с.

---

¹ В статье «О критике» М. О. Меньшиков писал: «Пусть критик будет эстетик, филолог, историк, психолог, социолог, моралист...» [Меньшиков 2012: 271].

Мережковский Д. С. А. С. Пушкин // Перцов П. П. Философские течения русской поэзии: А. С. Пушкин. Е. А. Баратынский. А. В. Кольцов. М. Ю. Лермонтов. Н. П. Огарев. Ф. И. Тютчев. Гр. А. К. Толстой. А. А. Фет. Я. П. Полонский. А. Н. Майков. А. Н. Апухтин. Гр. А. А. Голенищев-Кутузов : Избранные стихотворения и крит. ст. С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского и др. / сост. П. П. Перцов. СПб.: Тип. М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), 1896. С. 1–86.

Победоносцев К. П. Великая ложь демократии // Церковь и демократия. М.: Отчий дом, 1996. С. 5–33.

Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1974.

Соловьев В. С. Литературная критика / сост. и коммент. Н. И. Цымбаева, вступ. ст. Н. И. Цымбаева и В. И. Фатющенко. М.: Современник, 1990. 422 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 23: Произведения 1879–1884 гг. 584 с.

Исследования

Есинов В. М. Поэт, чернь, автор. // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 319–331.

Жаворонков Д. В. Писатель и его критик: письма М. О. Меньшикова Л. Н. Толстому 1890-х – начала 1900-х гг. // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 75–89. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26881>

Крижановский Н. И. Л. Н. Толстой в зеркале записных книжек М. О. Меньшикова. К пониманию забытой публикации // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2020. С. 66–73.

Непомнящий В. С. Собр. трудов: в 5 т. М.: Издательский центр МГИК, 2019. Т. 1. 468 с. Т. 5. 592 с.

Орлов А. С. Творчество Л. Н. Толстого в оценках М. О. Меньшикова раннего периода (фрагменты дневников) // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 140–150.

Трофимова В. Б. Влияние на М. О. Меньшикова — литературного критика философско-публицистических работ Л. Н. Толстого периода 1880-х–1890-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 98–104.

Трофимова В. Б. Полемика М. О. Меньшикова с А. Л. Вольнским и Д. С. Мережковским о русской литературе XIX века и критике // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2014. № 5. С. 81–91.

References

- Esipov, V. M. “Poet, chern’ avtor” [“Poet, Mob, Author”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2005, pp. 319–331. (In Russ.)
- Zhavoronkov, D. V. “Pisatel’ i ego kritik: pis’ma M. O. Men’shikova L. N. Tolstomu 1890-kh – nachala 1900-kh gg.” [“The Writer and his Critic: Letters from M. O. Menshikov to L. N. Tolstoy in the 1890s and Early 1900s”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia*, no. 3, 2018, pp. 75–89. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26881> (In Russ.)
- Krizhanovskii, N. I. “L. N. Tolstoi v zerkale zapisnykh knizhek M. O. Men’shikova. K ponimaniu zabytoi publikatsii” [“L. N. Tolstoy in the Mirror of M. O. Menshikov’s Notebooks. Towards an Understanding of a Forgotten Publication”]. *Tvorchestvo V. I. Likhonosova i aktual’nye problemy razvitiia iazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsi [Creativity of V. I. Likhonosov and Current Problems of the Development of Language, Literature, Journalism, History. Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2020, pp. 66–73. (In Russ.)
- Nepomniashchii, V. S. *Sobranie trudov: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 1; vol. 5. Moscow, Izdatel’skii tsentr MGIK Publ., 2019. 468 p.; 592 p. (In Russ.)
- Orlov, A. S. “Tvorchestvo L. N. Tolstogo v otsenkakh M. O. Men’shikova rannego perioda (fragmenty dnevnikov)” [“The Work of L. N. Tolstoy in the Assessments of M. O. Menshikov of the Early Period (Fragments of Diaries)”. *Istoriia: fakty i simvol’y*, no. 1 (34), 2023, pp. 140–150. (In Russ.)
- Trofimova, V. B. “Vliianie na M. O. Men’shikova — literaturnogo kritika filosofsko-publitsisticheskikh rabot L. N. Tolstogo perioda 1880-kh–1890-kh gg.” [“Influence on M. O. Menshikov, a Literary Critic of the Philosophical and Journalistic Works of L. N. Tolstoy of the 1880s–1890s”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*, no. 1, 2017, pp. 98–104. (In Russ.)
- Trofimova, V. B. “Polemika M. O. Men’shikova s A. L. Volynskim i D. S. Merezkovskim o russkoi literature XIX veka i kritike” [“Polemics of M. O. Menshikov with A. L. Volynsky and D. S. Merezkovsky about Russian Literature of the 19th Century and Criticism”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*, no. 5, 2014, pp. 81–91. (In Russ.)